

Глава 6

Му Ан позвал его.

Мо Шиянь отреагировал мгновенно, велел Чжао Чжоу увести всех с глаз долой, чтобы Му Ан ничего не увидел.

Тот ещё не до конца понимал, что происходит. Он лишь видел, как одна группа мужчин грубо выталкивает другую, а двое оставшихся принялись оттирать пол в коридоре.

Оттирать кровь.

Мо Шиянь быстрым шагом направился к нему и, открыв дверь палаты, опустился на корточки.

За последние дни Му Ан немного поправился. Постоянные обеды с Мо Сюаньчжу пошли ему на пользу, и аппетит улучшился, но он всё ещё был ниже и худее своих сверстников.

Мо Шиянь не смог скрыть удивления.

— Как ты меня сейчас назвал?

Лицо Му Ана выглядело гораздо лучше. На бледных, нежных щеках появился лёгкий румянец, а губы уже не были такими бескровными. Он снова походил на красивую фарфоровую куклу.

Большие янтарные глаза моргнули, и он снова мягко позвал:

— Брат.

Голос, ещё по-детски звонкий, прозвучал нежно, словно он не звал, а ласкался.

— Ты научился говорить, Аньань? — Мо Шиянь коснулся его волос.

— Я умею, — с обезоруживающей прямоотой ответил Му Ан.

Просто раньше не хотел ни с кем говорить.

Мо Шиянь взял его за руку и подвёл к кровати. Маленькая ладошка в его руке была тёплой и мягкой, и он боялся сжать её слишком сильно. Му Ан послушно следовал за ним.

— Голова кружится?

Му Ан покачал головой.

— Где-нибудь ещё болит?

Он снова покачал головой.

— Нельзя кивать или качать головой, — неожиданно строгим, взрослым тоном произнёс Мо Шиянь, совсем как психотерапевт, который осматривал его раньше. — Нужно отвечать словами, как ты только что говорил с братом.

Му Ан нехотя поджал губы. Он уже назвал его братом, зачем ещё и разговаривать?

Он молчал, но Мо Шиянь, казалось, не торопил его, просто сидел на стуле и смотрел.

Му Ан устроился на краю кровати, болтая в воздухе ногами. Его взгляд блуждал по комнате. Несколько раз он посмотрел на брата, а затем его глаза опустились ниже. Он всё ещё помнил о его руке.

Но брат, словно нарочно, опустил раненую руку так, что её не было видно.

Тогда Му Ан сам потянулся к нему, пытаясь ухватить за рукав, но брат был сильнее. Он повернул запястье и завёл руку за спину.

— Что ты делаешь? — спросил Мо Шиянь.

На этот раз Му Ан не выдержал.

— Я всё видел! — он указал на спрятанную руку. — У тебя кровь шла, даже больше, чем у меня в тот раз.

— Не было такого, — невозмутимо ответил Мо Шиянь.

— Как это не было? — Му Ан удивлённо распахнул глаза. — Она даже на пол капала, те дяди только что всё вытерли.

— Что ты ещё видел? — спросил Мо Шиянь.

— Много людей, — задумался Му Ан. — Но я их не знаю. Я знаю только тебя.

Мо Шиянь, казалось, вздохнул с облегчением. Он боялся, что Му Ан увидел что-то неподобающее.

С остальным разберётся Чжао Чжоу. Тот долгое время служил деду и был его самым доверенным человеком. Лишь недавно Мо Шиянь узнал, что перед его отъездом дед поручил Чжао Чжоу подготовить всё необходимое на случай его смерти, словно предчувствуя беду.

При этой мысли взгляд Мо Шияня снова помрачнел.

Му Ан вдруг выпрямился и принялся шарить по карманам. Обыскав всё, он наконец просял и извлёк из маленького кармашка на колене пластырь с мультяшным рисунком.

Однажды Мо Сюаньчжу поцарапал палец и рыдал целый день. Лань Юэ наклеила ему пластырь, сказав, что он снимает боль, и Мо Сюаньчжу тут же успокоился. Му Ан это запомнил и с тех пор носил один пластырь с собой.

Наклонив голову, он осторожно разорвал упаковку и, зажав края кончиками пальцев, торопливо сказал Мо Шияню:

— Скорее, скорее, нужно приклеить на рану.

Не дожидаясь ответа, он соскочил с кровати, обошёл брата сзади и опустился на корточки. С этой высоты ему было хорошо видна глубокая рана на руке.

Му Ан на мгновение замер, сравнивая длинный порез и крошечный пластырь в своих руках. Поразмыслив, он прилепил его ровно посередине раны, а затем, нахмурившись, тихо спросил:

— Брат, тебе всё ещё больно?

Мо Шиянь не хотел, чтобы он это видел. Он поднял его с пола.

— Не больно.

Му Ан решил, что пластырь и впрямь волшебный, и, успокоившись, собрал обрывки упаковки и выбросил в мусорное ведро.

Он даже не заметил, как много уже наговорил с братом.

Когда он вернулся, Мо Шиянь снова усадил его на край кровати и нажал кнопку вызова медсестры. Вскоре вошёл врач. Увидев, что Му Ан очнулся, он принялся его осматривать и задавать вопросы.

Вокруг кровати собралось много людей, мешая ему говорить с братом. Му Ан недовольно поджал губы и на все вопросы врача отвечал лишь кивками или качал головой, не произнося ни слова.

Мо Шиянь стоял рядом и наблюдал. Он был намного старше Му Ана и не всегда мог понять мысли ребёнка, да и его собственное детство было совсем другим.

Му Ан молчал, но то и дело поворачивался, чтобы посмотреть на него. Убедившись, что брат на месте, он послушно позволял врачу осматривать себя, поднимая руки и ноги.

Наконец, врач сказал, что всё в порядке и можно ехать домой.

Лицо Му Ана тут же просияло. Он мигом сполз с кровати, сам надел ботинки и, подбежав к Мо Шиянь, взял его за руку, готовый отправиться домой.

Мо Шиянь посмотрел на него сверху вниз, на его лицо, сияющее от нетерпения. Он хотел что-то сказать, но промолчал и, взяв его за руку, повёл к выходу из больницы.

Снаружи их встретила тёмная, дождливая ночь. Мо Шиянь не спешил сажать его в машину.

Сырой воздух и мелкие капли дождя оседали на лице Му Ана. Он провёл по щеке тыльной стороной ладони, размазывая влагу.

Они уже некоторое время стояли у входа, хотя машина Чжао Чжоу ждала их совсем рядом.

Му Ан потянул Мо Шияня за руку и, подняв голову, позвал:

— Брат.

В его глазах Мо Шиянь был высоким и могучим, как гора, способная защитить от любого ветра и дождя, способная вытащить его из любой бури.

— Брат, — снова позвал Му Ан.

Мо Шиянь опустился перед ним на одно колено, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и посмотрел на него с уважением, как на равного.

— Аньань, брат спросит тебя ещё раз: ты хочешь пойти домой с братом?

Дома не будет ни папы, ни мамы, ни дедушки, ни бабушки, ни других братьев и сестёр.

Му Ан, не раздумывая, решительно кивнул.

— Да.

— Дома теперь будет только брат, — добавил Мо Шиянь, боясь, что тот не понял.

Му Ан подумал, что брат забыл о нём, и поспешно поднял два тонких, бледных пальчика.

— Не один. Нас будет двое.

Мо Шиянь улыбнулся, но уголки его глаз покраснели.

— Да, с тобой нас будет двое.

— И я, и я, — для Му Ана это было само собой разумеющимся. — Дома должно быть двое.

Иначе как это можно назвать домом?

— Тогда ты хочешь стать семьёй брата? — спросил Мо Шиянь.

— Да, да! — торопливо ответил Му Ан.

— А если брат будет таким же строгим, как раньше, ты не обидишься? Не будешь злиться? Не уйдёшь от него?

Детские уста умеют говорить самые сладкие слова.

— Не обижусь и не буду злиться, — серьёзно ответил Му Ан.

С этими словами он обнял Мо Шиянь за шею и доверчиво прижался к нему всем телом, словно птенец, уткнувшись головой ему в плечо. Его тихое дыхание перекрывало шум ветра и дождя.

— Я никогда не оставлю брата, — глухо пообещал он.

Потеряв одну семью, он обрёл другую.

Мо Шиянь обнял его здоровой рукой и легонько потёрся щекой о его мягкие волосы.

Му Ану показалось, что ему на шею упала капля дождя.

Горячая, обжигающая, она тут же исчезла.

Две фигуры замерли в объятиях посреди холодной, дождливой ночи, словно два брошенных в тёмном лесу зверька, которые могли лишь зализывать раны друг друга.

Спустя мгновение он услышал голос брата:

— Пойдём домой.

Его подняли на руки и, укрыв курткой, понесли сквозь дождь.

Когда они приехали, дождь всё ещё не прекратился. Брат снова взял его на руки, и на этот раз ни ботинки, ни штанины не промокли.

Объятия брата были ещё не такими широкими, но Му Ану этого было достаточно. Он свернулся

калачиком под курткой, обхватив его руками и ногами, и, высунув нос из-за воротника, с любопытством смотрел по сторонам. Его щёки забавно надувались при каждом шаге брата.

Он вёл себя очень тихо. Мо Шиянь слегка подбросил его, чтобы поправить сползшую штанину и прикрыть его белые, как лотосы, ножки.

Му Ан не отреагировал, и Мо Шиянь подумал, что он уснул. Он внёс его в дом и, не опуская на пол, сразу понёс наверх.

Тётя Чжун уже прибралась в комнате Му Ана. Она тихо открыла им дверь, но как только Мо Шиянь переступил порог, две маленькие ножки в его руках недовольно задергались.

— Не хочу здесь спать.

Детский голос из-под куртки застал тётю Чжун врасплох.

— Молодой господин заговорил? — шёпотом спросила она, изумлённо глядя на Мо Шияня.

— Он всегда умел.

С этими словами Мо Шиянь попытался опустить маленького упрянца на пол.

Он нёс его всю дорогу одной рукой, стараясь не напрягать раненую. Теперь у него сильно кружилась голова. Кажется, поднималась температура.

Му Ану же было тепло и уютно в объятиях брата, и, как только его попытались поставить на пол, он поджал ноги.

Тётя Чжун заметила, что Мо Шиянь неважно выглядит — на лбу выступила испарина, — и протянула руки, чтобы забрать Му Ана.

— Какой у молодого господина милый голос! Скажи тёте Чжун, где ты хочешь спать, я тебя отведу.

Но Му Ан не дался в чужие руки. Он крепко обхватил шею Мо Шияня и принялся тереться щекой о его плечо.

Он и вправду хотел спать, силы были на исходе.

— Брат отнесёт меня наверх, — пробормотал он.

Тётя Чжун беспомощно вздохнула. Она видела, что короткая разлука не только не отдалила их, но и сделала ещё ближе.

Если бы кто-то мог прочесть мысли Му Ана, он бы понял, что это не просто каприз. Это было беспокойство и страх.

В отличие от Мо Шияня, он с того самого дня, как его забрали из приюта, помнил слова «теперь я твой брат» и поверил в них всем сердцем.

Детский мир гораздо проще взрослого. В нём нет места долгим раздумьям и расчётам. Если он решил, значит, так и должно быть.

Но брат оставил его и уехал на много дней. Каждый день он боялся, что тот за ним не

вернётся.

Мо Шиянь не позволил тётке Чжун забрать его и понёс на третий этаж.

Только оказавшись в главной спальне, Му Ан наконец поднял голову. Мо Шиянь опустил его на пол. Тот сразу же взял его раненую руку и, убедившись, что пластырь на месте, легонько прижал его по краям. Только тогда он успокоился.

— Сегодня не купайся, — сказал ему Мо Шиянь. — Врач велел тебе лечь спать пораньше, чтобы набраться сил.

— Я знаю, я сейчас лягу, — кивнул Му Ан.

Он пошёл в ванную, но раковина в главной спальне была для него слишком высокой. Он не мог дотянуться. Раньше он умывался в своей комнате, а потом приходил сюда спать. Его комната была детской, и всё в ней было подогнано под его рост.

Он встал на цыпочки, закатал рукава и подставил руки под струю воды. Но из-за того, что ему пришлось высоко поднять руки, вода потекла по тонким запястьям прямо в рукава. Когда он закончил, у него промокла вся грудь.

Он поспешно выключил воду и, отряхивая мокрые рукава, подошёл к Мо Шияню.

— Брат, рукава промокли.

Мо Шиянь стоял у шкафа с аптечкой в руках и что-то искал. Обернувшись, он увидел, что у малыша промокла не только рукава, но и половина рубашки. Тот стоял перед ним, разведя руки, с самым невинным видом.

— Как ты умудрился? — Мо Шиянь отложил аптечку и, подойдя, потрогал его штаны. К счастью, они были сухими. — Ты же умываться пошёл, а не водой играть? — нахмурился он.

— Я не играл! — возмущённо возразил Му Ан, указывая на ванную. — Раковина слишком высокая, я не достаю. Это случайно получилось, я не нарочно.

Мо Шиянь чувствовал себя неважно, голова раскалывалась. У него не было сил разбираться. Он позвал тётю Чжун.

Она принесла Му Ану чистую пижаму и низкую скамеечку, а затем отвела его обратно в ванную.

Теперь, стоя на скамеечке, Му Ан мог нормально умыться, не намочив одежду.

После умывания тётя Чжун нанесла ему на лицо детский крем, и теперь от его белых, мягких щёчек исходил сладкий аромат.

Уходя, тётя Чжун хотела забрать скамеечку — её жёлтый мультяшный рисунок совсем не вписывался в строгий, минималистичный интерьер.

Но Му Ан не позволил. Он обнял её и, покрутившись по ванной, нашёл ей место за дверью — она ему ещё пригодится.

Выйдя из ванной, Му Ан сразу же залез в большую кровать и, потеревшись щекой о мягкую простыню, наполнил постель брата своим сладким ароматом.

Мо Шиянь всё ещё сидел за столом. Он приглушил свет, сходил в ванную и, вернувшись, почувствовал, что лекарство начинает действовать. Голова стала тяжёлой. Он лёг в кровать.

Му Ан ещё не спал. Он перевернулся на другой бок и снова сел.

Мо Шиянь бросил на него взгляд и увидел, что тот держит в руках новый пластырь. Му Ан подполз к нему и протянул руки.

— Брат, руку, руку.

Его личико было очень серьёзным. Казалось, он не ложился спать только ради этого.

Рана на руке Мо Шияня пульсировала тупой болью, словно её сжимала чья-то рука.

Он протянул левую руку и вдруг понял, что болит не рана, а сердце.

Му Ан широко раскрыл глаза и наклонился поближе. Кровь уже смыли, и теперь был виден чистый, ровный порез длиной около десяти сантиметров. Рана уже не кровоточила, но всё равно выглядела пугающе.

Му Ан нахмурился и приклеил маленький пластырь на прежнее место. Прежде чем убрать руки, он сложил губы трубочкой и легонько подул на рану.

Тёплое, мягкое дыхание.

— Брат, стало лучше? — спросил он, посмотрев на Мо Шияня.

Тот, казалось, впервые столкнулся с такой заботой.

— Намного, — ответил он после небольшой паузы.

Му Ан обрадовался и очень собой возгордился. Он вылечил брата. Какой же он молодец!

Когда свет погас, он ещё долго ворочался, не в силах уснуть.

Мо Шиянь похлопал его по спине через одеяло, и Му Ан тут же затих.

В темноте он открыл глаза и, увидев рядом смутный силуэт, сложил руки под щекой и снова тихо позвал:

— Брат.

Рука Мо Шияня лежала на нём, но он спал и не отвечал.

Му Ан не обиделся. Он убрал его руку, потом снова положил на себя, потом снова убрал. Повторив это несколько раз, он так и не разбудил брата.

Му Ан тихонько хихикнул и, наигравшись, тоже закрыл глаза.

Сны этой ночью были сладкими.

Потому что с этого дня у них с братом появился свой дом.